

О ФИЗИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ МУЗЫКИ

(Соч. г. Фети^{*12})

Влияние музыки на ощущения души столь известно, что нет нужды доказывать существование оного. Но кроме сей нравственной силы, которою неоспоримо обладает музыка, по необходимости должно признать еще и другую силу, посредством коей она действует на физические органы не только человека, но и бессловесных животных. Мерный стук барабана и вообще всякая музыка с сильно выраженным размером побуждает всех органических тварей к правильным и размеренным движениям, если даже устраним от сего формы мелодии и гармоническое сочетание звуков. Я намерен рассмотреть здесь некоторые из замечательнейших явлений физического действия музыки, которой все средства еще не довольно известны.

Кроме некоторых случаев, о коих я буду говорить впоследствии, действие чувств на душу и души на чувства столь взаимно и столь тесно связано, что трудно различить во впечатлениях, производимых музыкаю, плоды воспитания и понятий приобретенных от непосредственного следствия ощущений. В животных бессловесных впечатления сии явно физические, ибо, не быв связаны ни с каким из понятий самохранения, кои суть начало всех понятий, каковы сии животные могут приобрести, искусство сие действует

* г. Фети (Fetis), профессор контрапункции в Королевско-французском училище музыки, издает весьма хороший журнал по сей части (Revue Musicale). Статья сия почерпнута из одной книжки его журнала.

на них внезапно, не пробуждая никаких воспоминаний. В них музыка есть не что иное и не может быть чем-либо иным, кроме физического ощущения; но ощущения сего рода производят действия столь разнообразные и столь странные, что весьма любопытно рассмотреть их в случаях, записанных наблюдателями. Как домашние животные доставляют нам в сем отношении события более известные, то с них я и начну.

Собаки естественно изведывают живейшее ощущение при слушании музыки. В больших городах, где чаще случается им слышать оную, ощущение сие мало-помалу ослабеваает и даже почти вовсе уничтожается; но те собаки, которых держат взаперти, или те, кои живут в уединенных местах, сохраняют свою чрезмерную чувствительность музыкальную. Определить, какое свойство того, что они ощущают, не весьма легко; однако же некоторые физиологи утверждают, что лай и вой собаки в то время, когда музыка поражает слух ее, суть выражение боли: отселе должно было заключить, что звук болезненно сотрясает слуховые нервы сих животных. Предположение сие может подтвердиться тем, что собаки, если свободны в своих движениях, тотчас убегают, как скоро слышат звук какого-либо инструмента. Видали собак, приученных лежать неподвижно, как мертвые, и которых бы пушечный выстрел не согнал с места: столь велика была их послушность, но которые, услышав игру на музыкальном инструменте, произносили глухой вой, от коего тщетно старались удержаться. Одно из сих животных сохраняло столь сильное воспоминание впечатлений, произведенных в нем музыкой, что начинало выть, как скоро видало, что кто-либо брался за скрышку, и гораздо прежде, нежели звук доходил до его слуха. Наконец, доктор Меад рассказывает об одной собаке, которая умерла с тоски или от удовольствия,

когда ее заставили долго слушать музыку, исторгавшую у нее пронзительные вопли. Приводят примеры и других животных, умерших от той же причины: в числе их были совы. Кошки тоже иногда мяучат, вслушиваясь в звуки инструментов; но сей пример случается реже, нежели вой собак.

С другой стороны, известно, с каким удовольствием птицы, особливо чижи, слушают наигрываемые песенки: с первыми звуками чижик приближается к инструменту и, безгласный, недвижимый, ждет, пока песенка кончится, потом бьет крылышками, как будто бы изъявляя тем свое удовольствие. Лошадь также весьма чувствительна к музыке и показывает своими телодвижениями, что совершенно понимает размер оной. Труба и вообще медные инструменты, по-видимому, нравятся ей более других. В каруселях и на турнирах лошади плясали в каданс¹³ под звук инструментов. Животные рода *антилоп* имеют в сем отношении такую же организацию, как и лошади. В некоторых местах Германии и в Тироле охотники умеют приманивать оленей пеньем, а ланей игрою на флейте. Ту же склонность замечают в животных грызущих, особливо в бобрах и крысах. Бурдело уверяет, что видел восемь крыс, плясавших на веревке, под звук инструментов на Сен-Жерменской ярмарке.

Сила звука и его изменений сказывается также на пресмыкающихся и насекомых. Например, ящерица может почесться за величайшего *дилетанте* из всех животных. Она очень любит теплоту и охотно греется на лучах солнца. Если в то время, когда она наслаждается сим удовольствием, услышит она пение или игру на каком-либо инструменте, тотчас начнет изъявлять своими движениями, сколь сие ощущение приятно ей. Она ворочается и ложится

то на спину, то на брюхо, то на бок, как бы для того, чтобы подставлять все части своего тела действию звучной влаги, ее услаждающей. Но она из числа знатоков и не всякую музыку принимает за хорошую. Грубые или хриповатые голоса, резкие звуки или шумная музыка ей не нравятся. Чтоб угодить ей, надобно употреблять *mezza-voce*¹⁴ и выбирать напевы протяжные. Видали, как одно из сих животных, казавшееся уже очень старым, выходило из щели, которую занимало оно в ветхой стене, как скоро начинали играть адажио *in-fa*¹⁵ Моцартова квартета *in-ut*¹⁶, и приползало вкушать сладостную гармонию сего сочинения. Когда это адажио оканчивалось и едва музыка умолкала,— ящерица медленно уползала в свое жилище; но если начинали снова играть то же место из квартета, она останавливалась, слушала с минуту, чтоб увериться, не ошиблась ли она, и ползла потом на прежнее свое место. Никакая другая музыкальная пьеса не производила на нее сего действия. О. Лаба (Labat) в своем описании Мартиники¹⁷ рассказывает почти такой же анекдот. Некоторые путешественники уверяют, что даже ярость огромной гвианской гремучей змеи укрощается звуком дудочки или довольно сильным насвистываньем. То же говорят и об ужасной *копьеобразной ехидне* (*vipera fer de lance*) мартиникской. Г. Шатобриан уверяет положительно в путешествии своем по Верхней Канаде, что он видел гремучую змею чрезвычайно злою, которая пробралась даже в место его лагеря и которая усмирилась звуками флейты и ушла вслед за музыкантом, услаждавшим слух ее. Из всех насекомых паук, по-видимому, наиболее чувствителен к музыке. Он спускается по нитям своей паутины и быстро

подбегает к тому месту, откуда слышатся звуки. Там он останавливается и проводит иногда несколько часов неподвижно. Узники делали сим средством этих малых животных ручными.

(Здесь автор довольно пространно рассказывает о действии музыки на двух молодых слонов различного пола, находившихся лет тридцать тому назад в парижском зверинце.

“Приняты были меры для успешного произведения в действо сего опыта,— говорит он.— Между клетками обоих слонов оставлено свободное сообщение. Вокруг опускной двери, находившейся в потолке над оными, расположен был невидимо оркестр, и когда все было готово, то подняли тихонько опускную дверь, пока вожатый отвлекал от того внимание слонов, давая им пищу. Наконец все замолкло, и музыка началась. При первом аккорде слоны бросили пищу, побежали к тому месту, откуда исходили звуки, и разными движениями показывали, как изумляла их эта новость. Все сделалось для них предметом беспокойства и недоумения: то вертелись они вокруг отверстия и поднимались на задние ноги, как бы желая дотронуться до невидимой гармонии, то с беспокойством посматривали на зрителей, то ласкались к своему вожатому, как бы спрашивая его, что это значило. Видя, однако же, что ничто не грозило их безопасности, они предавались совершенно живым впечатлениям, производимым на них музыкаю.

Тогда можно было измерить, до какой степени простирается власть сего искусства над этими животными. Всякая новая пьеса, сыгранная оркестром и достаточно для их понятия отличавшаяся от предшедшей, производила на них и новое действие, давала их крикам, их движениям такое выражение, которое более или менее приближалось к ритму пьесы. Таким образом балетная пьеса *in-si mineur* в

Глуковой Ифигении¹⁸ привела их в величайшее беспокойство: они своими движениями, то скорыми, то

171

медленными, то порывистыми, то нежными, следовали за переменою характера фраз музыкальных. Часто они хватались за решетку клетки и громкими криками изъясляли свою радость. Но тотчас успокоились, когда услышали арию “*O ma tendre musette*”, игранную на фаготе *in-ut mineur*. Меланхолические звуки сего инструмента, казалось, приводили их в очарование. Они то ходили, то останавливались, слушали, становились под оркестром и тихо поводили хоботами, как бы впивая в себя мелодические звуки. Пока играли эту песню, слоны не испустили ни одного крика и, казалось, единственно предавались тихим, нежным чувствам. Их движения были медленны, размеренны и сообразовались с характером пьесы. Скоро, однако же, слоны пришли в некоторый род бешенства, услышав веселые и живые звуки одной песни, разыгранной *in-re* всем оркестром, и снова погрузились в сладкие ощущения, услышав пение двух голосов человеческих”.

Достойно замечания, что при конце сего музыкального опыта слоны слушали с одинакою, по-видимому, бесчувственностью все, что ни было играно; конечно, оттого, что слуховые их органы утомились наконец от долговременного напряжения. Но оставим самого автора продолжать.)

Все, что сказано было о сем опыте, заслуживает наше внимание. Сначала я замечу, что ощущение развертывается в упоминаемых здесь животных с большею силой, нежели в людях. Какова б ни была чувствительность людей, они

никогда не ощутят тех восторгов, кои были оказываемы двумя слонами; и я не знаю, чтоб музыка произвела когда-либо в человеке столь страстные исступления. Напрасно сказали бы, что удивление и незнание причин усиливают ощущение: ни удивление, ни незнание не могли бы произвести таких последствий.

Замечательно также, что не одна музыкальная мера действовала на помянутых слонов, ибо то же сочинение, сыгранное в другом тоне, их не трогало*. Таким же образом и не характер, более или менее резкий, какого-либо тона исключительно пробуждал в них сии ощущения, ибо многие другие сочинения, игранные в том же тоне, не производили подобного действия. По сему надобно полагать, что здесь вмешивалась если не разборчивость, то по крайней мере какая-то понятливость и явное, хотя произвольное ощущение.

(Окончание в след. №).

* Так, напр., заметили, что известная революционная песня *Sa ira*, игранная в *ge*, производила на них сильное впечатление, но ту же самую песню в *fa* они слушали с величайшим равнодушием.